

О НЕОБХОДИМОМ ПЕРЕСМОТРЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА*)

В грозном испытании революционной катастрофы постигаются истинные отношения и сокровенные смыслы вещей, прежде закрытые пыльной паутиной лжи и условной словесности. Впервые облеклись в плоть и кровь предметы, доступные прежде только логизирующему отвлечению; разделилось незыблемо соединенное, соединилось несовместимое, и истинная цена людям и вещам обозначилась с предельной ясностью и остротой.

С каждым днем все яснее обнаруживается истинный нравственный лик самого безнадежно-закоренелого адепта оптимистического изуверства, самого ненасытного меломана призрачных звуков утопической музыки — еврейского „периферийного“ интеллигента. Окончательно и невозвратно уходит в прошлое столь знакомый, столько раз увековеченный разночинно-интеллигентской литературой образ неприкаянного еврея, вечно гонимого идеалиста-непротивленца, взыскующего земного царства истинной правды в людях. Не ушел и он от великого пересмотра сущностей и ценностей, глубоко забирающий скальпель великого испытания отделил и в нем существенное от привходящего и случайного, и во вчерашнем аскете-бессребреннике со слишком недвусмысленной ясностью проступают черты мстительного хищничества, злобного изуверства, идоложертвенной ярости и холопского, слепого, нерассуждающего усердия перед калифами на час (отнюдь не только коммунистическими). Исполняются как будто предсказания злейших антисемитов, и всё беспомощнее звучит оправдательный лепет еврейских „прогрессивных“ деятелей, всё еще тщетно хватающихся за мнимые остатки давно промотанного нравственного капитала, нажитого предыдущими поколениями в десятилетиях преследований и страданий. Мало можно найти случаев, где бы столь выпукло проявилась много раз избалованная органическая неспособность „прогрессивных демократов“ к маломальски соразмерному пониманию происшедшего в наши страшные годы — во всей его грозной непоправимости, упрямдяющей и обесмысливающей все унаследованные из прошлого мерки и шаблоны.

Основные, численно подавляющие кадры еврейской периферийной интеллигенции сейчас либо густо вливаются в ряды служителей и хвалителей коммунистической власти, ее практики и теории осуществления земного рая, либо с не меньшим рвением впрягаются в колесницу нивелирующего мещански-демократического европеизма, в большой периферийной среде обернувшегося своеобразно-уродливым явлением сионизма. Последнее направление заслуживало бы пристального внима-

*) Статья Я. А. Бромберга является изложением некоторых положений из более обширного труда, подготовленного автором к печати и носящего название „О еврейском вопросе (опыт евразийского рассмотрения проблемы)“.

ния исследователей и со стороны широко принципиальной, представляя собою настоящее экспериментальное *reductio ad absurdum* современной эволюционно-гуманистической и декларативной теории национально-большинственного государства „по вильсоновским пунктам“, с его мнимой независимостью, добровольно подчиняющей себя идейно-европейскому шаблону демократизации и секуляризации, а конкретно-политически — интересам крупных западных держав. Автор не имеет возможности на предоставленных ему немногочисленных страницах вдаваться в сравнительный разбор обеих социально-исторических утопий современной еврейской периферии, произведенный им в упомянутой выше более обстоятельной работе. В ней обе главные разновидности еврейского утопизма возводятся к общим основным причинам, коренящимся в полном помрачении и омертвлении основной религиозно-культурной субстанции иудаизма, как вероучения и как исторической категории, окончательно и непреложно обнаружившемся в периферийной среде его ныне „правящего слоя“, — единственного, к несчастью, носителя исторической роли еврейства в глазах окружающего человечества.

Зародившись в конце XVIII века быстрым вкоренением в высших слоях еврейской среды идей и мироощущения европейского нивелирующего просвещенства (напомним только о деятельности М. Мендельсона, донныне не нашедшую настоящей религиозно-философской оценки как в хороших, так и в дурных своих сторонах), еврейская периферия безостановочно концентрировала в себе крепчайшие настои католическо-протестантского европеизма. (Конечно, нет нужды добавлять, что здесь имеется в виду отнюдь не сокровенное догматически-метафизическое существо Латинства и Реформации, а более отдаленные его последствия, обращенные к поверхности культурно-правовых и политических отношений и философских течений. Что тут есть сокровенная связь начал и концов — установлено с достаточной ясностью русской критикой западных начал от И. Киреевского до Н. Бердяева). Все назойливее и соблазнительнее становится перед духовными очами периферии лжерелигиозная утопия всеобщего спасения и устройства человечества в пределах земного царства. Парадокс истории именно в еврейской среде взрастил самые пышные цветы того социального и сверх-национального лже-мессианизма, который явлен был некогда в папоцезаристской первоутопии ускоренного низведения на землю Царствия Божьего мирскими средствами авторитарно-организационного устройства и овладения материальной плотью мира.

И не случайно в этой же периферийной среде, в лице ее сионистского крыла, предстает в наиболее уродливом заострении тот примитивно-стяжательский лже-национальный шовинизм этнических особей, в котором исходит на наших глазах та европейская „новая история“, над колыбелью которой некогда воссиял гордый замысел национального государства. В обезбоженной и обездушенной периферийной среде верность еврейской религиозно-культурной сущности, как конкретному вселенско-историческому началу, освященному чаемыми мессианскими, метаисторическими свершениями, на наших глазах все явственнее и циничнее подменяется нетерпимейшим эгоизмом и автоидолатрией (самопоклонением). Осуществляются зловещие пророчества благороднейшего из сынов еврейства, М. О. Гершензона, высказанные в его лебединой песни — „Судьбах еврейского народа“.

Количественная огромность масштабов, выражающих размеры участия еврейской периферийной полунинтеллигенции в худших про-

явлениях коммунистического изуверства, увы, слишком достаточно известна. Нелепо и недостойно для всякого еврея, желающего истинного и последнего духовного блага своему народу, защищать это участие увертливыми уловками строптивного законничества вместо мужественного приятия всей тяжести своей национальной доли вины в крайностях фанатического утопизма, явленных ужасами российской катастрофы. В переживаемые дни нам подобает не прислушиваться к праздному суесловию самообманывающегося оптимизма, а в сосредоточенном самопознании обретать новые пути к очищению и спасению.

На этих путях нам надлежит прежде всего произвести переоценку исторической роли нашей насквозь европеизованной периферии, заполонившей словами и делами своего утопического рвения всю поверхность еврейской национально-общественной жизни, в полной мере использовав жесточайший разгром и обескровление народных масс в процессе революции и гражданской войны, в исходе которых „черта оседлости“ оказалась расчлененной и брошенной по частям под ноги коммунистических экспериментаторов и жрецов мнимонациональных самоопределений. В стане долголетних, привычных водителей нашей кругом обманутой и обнищавшей массы царит тем не менее безмятежное ликование и беззаботный оптимизм: пал ненавистный старый режим, и нет пределов безбрежному разливу розово-утопических мечтаний, все глубже и слепее погрязают в нем „водители“ и „деятели“. И чудится будто исполняются времена и сроки, подходит к концу тысячелетняя тяжба христианского и иудаического мессианства и перед всяким искренним религиозным сознанием в среде еврейства встает кошмар не только бесславного проигрыша дела иудаизма во вселенских и метаисторических масштабах, но и полного порабощения народа Божьего на службу силам смесительного безбожия и последнего, космического зла.

Но зрелище разверзающейся пропасти обязывает напречь последние усилия к спасению, и приближается тот двенадцатый час, когда восточно-еврейский народ будет с предельной повелительностью поставлен перед трагической дилеммой: либо окончательно раствориться в недрах — даже не религиозного иноверия, а — европейского смесительно-безбожного небытия, подобно огромнейшей части своих западных собратьев, либо с крутой решимостью отречься от лжеутопических дел и настроенности своего ныне „правлящего отбора“, насквозь проникнутого тлетворным духом поверхностной европеизации и прогрессистско-науковерческого невежества.

Восточно-еврейский народ не будет одинок в борьбе за религиозно-культурное освобождение от мертвого груза материалистического упрощительства, наследия духовно обмелевшей и опривинциальной Европы. Рядом с ним, на бескрайних просторах евразийского Востока, среди огромных пепелищ от недавних потрясений и разрушений, обильно удобренных человеческой кровью для неведомых грядущих произрастаний, в царстве безгранично-надменного деспотизма богомязных утопистов, кладутся основы новому вселенско-историческому замыслу. Ищутся пути к построению и утверждению новой культуры имперски-мирового, сверхнационального характера, освобождающей от печального наследия великой неудачи „новой истории“ Запада и зиждущейся на основах „бытового исповедничества“ и религиозно-культурной самобытности, отстаивающей себя

в борьбе против буйного разлива утопического смешительства и воинствующего безбожия.

Восточному еврейству пришла пора отказаться от роли равнодушного зрителя по отношению к ходу и исходу великого противоборства восточных и западных начал. Волей-неволей придется ему выйти из состояния бесплодного нейтралитета религиозно-культурной замкнутости, в котором ухитряется его держать, при всей своей „прогрессивности“ и „международности“, его периферийное возглавление. Исполнен глубочайшего, донныне во всей его мере неосознанного смысла факт расселения основного этнического массива остатков древнего Израиля на стыке двух миров, в поле, до крайности насыщенном перекрещивающимися силовыми линиями притяжения и отталкивания. Юго-западный угол Евразии именно ныне, в обнажающем сокровенные смыслы и сущности опыте революции, в которой сметание пресловутых „правовых ограничений“ оказалось ничтожнейшей деталью, окончательно выявлен, как избирательно-средственное „месторазвитие“ нашей особой прослойки среди окружающего славянского субстрата. И есть более чем преступная небрежность, есть гибельная слепота бездарности и обреченности в изумительном факте полного равнодушия еврейской „периферийной“ интеллигенции к факту настойчивого натиска хищнических сил Запада на этот основной очаг нашего реального национально-культурного бытия, натиска, уже обошедшегося нам за короткое время во многие десятки тысяч кровавых жертв (здесь имеются в виду события 1917—21 гг. на Украине, в Бессарабии и Галиции). И жертвы эти, и зрелище бесславного угасания западного еврейства в мертвой трясине уравнилельно-демократической пошлости должны побудить нас произвести твердый и недвусмысленный выбор, должны обратить наши взоры опять к вечно-немеркнущему свету с востока, ныне воссиявшему с костра самозаклания России.

В понятии „месторазвития“ — этом основном геософском построении евразийской культурно-исторической концепции — постигается над-исторический и телеологический смысл встреч и сожительств народов, в нем преодолевается удушливый кошмар вражды и взаимонеприятия, тот роковой тупик, от которого все пацифистские фразы благонамеренного демократизма не спасают хитрой машины европейского эволюционного рационализма. В данном конкретном случае можно уповать, что в евразийской концепции впервые получит органическое осмысление роковое, исполненное мистической и онтологической значительности сплетение судеб народа, пронесшего через века живое ощущение мессианского избранничества, с великой страной, в наши дни возжившей на себя, перед лицом духовно скудеющего и погибающего человечества, тяжкое бремя вселенского призвания, в основных своих устремлениях выходящего за пределы чисто мирских планов и перспектив в область иного, чаемого Царства.

Вложение в борьбу против сил ныне одолевающего в этом мире мятежного безбожия ставит перед восточным еврейством целый ряд насущнейших задач духовно-органического строительства. Назовем только главнейшую и насущнейшую: философское оформление и обработка религиозно-метафизической догматики и мистики иудаизма, донныне пребывающих в одном и том же, для современного человека уже неудовлетворительном состоянии, со времен ясного обозначения великих неудач талмуда и хасидизма. Ибо еврейство может существо-

вать в этом мире только как носитель определенного религиозного начала, имеющего вселенский и провиденциальный смысл — или вовсе не существовать. Менее всего оно может быть традиционнорационалистической сектой или ходячим примером для иллюстрации и испытания евгенических теорий.

В настоящее время никакая философская работа по укреплению и углублению религиозных начал не может пройти без внимания мимо обширного здания русской религиозно-философской мысли, созданной трудами нескольких поколений писателей, образующих, при всем различии духовных индивидуальностей, некую отчетливо очерченную школу, восходящую к традициям православно-мыслящего славянофильства и ныне получившую признание своего первостепенного, в мировом смысле, значения и влияния.

Последнему опыту религиозно-культурного самоосознания, для которого история еще предоставляет еврейству возможность, не случайно дано совершиться на русской почве, в окружении православной стихии. Отсюда, при всем различии обеих религиозных субстанций, исключающих всякие легкомысленные идиллии, проистекает не только потребность, с точки зрения еврейских духовных интересов, но и возможность сближения на некоторой общей почве.

Парадоксальность подобного сближения только на взгляд упорствующей нетерпимости может представляться непреодолимой. Эта мнимая невозможность в значительной степени преодолевается в свете существенных попыток нахождения неких непреходящих ценностей в религиозно-догматическом содержании иудаизма со стороны некоторых представителей русской религиозной мысли (В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин). С другой стороны, нельзя недооценивать того обстоятельства, что и талантливейшие представители еврейства в мире русской философии и художественной критики влеклись по путям, несомненно восходящим к религиозно-утверждающим и антирационалистическим началам славянофильства (М. О. Гершензон, А. Л. Волынский, Ю. И. Айхенвальд, Л. И. Шестов).

Для того, кто воспринимает религиозное начало не в абстрактном отъединении от полноты жизни, а в слиянности с далеко разветвляющимися проявлениями культурной и житейско-бытовой сферы, несомненно соучастие еврейских элементов в общей картине российско-евразийского своеобразия. И здесь можно видеть разительную иллюстрацию к обоснованию евразийской концепции органического построения обще-имперской, сверх-национальной культуры при учете и иерархическом сопряжении многоверных и многоплеменных начал.

Выполнение великих задач обновления и перевоспитания требует огромного волевого усилия народа, ныне поставленного на крайнюю грань опасности закабаления силами зла и разрушения, и органического возникновения из недр его нового возглавления, нового „правящего слоя“, входящего в иерархическую систему соподчиненных сфер общегосударственного делания в области культурной и политической. Старая невежественная полуинтеллигентная периферия, безнадежно скомпрометтированная участием или злорадным сочувствием самым ужасным деяниям утопического изуверства и рабствующая перед соблазнами европейского смесительного оскудения, обречена на бесславный конец. В процессе революции она уже обнаружила полное отсутствие способности к принятию твердых и ответственных решений и к верному учету истинных и высших чаяний и нужд забитого и разгромленного

народа, соединенное порою с поистине циничским надругательством над его свежепонесенными жертвами.

Труд предстоит тяжелый, упорный и многолетний, ибо разрушения произведены ужасающие, окружающая ненависть и недоверие возросли многократно за дела, в которых нам зачастую некого будет винить, кроме самих себя. Нужна для этого труда прежде всего — беспощадная и последняя искренность и с самими собой и с другими, трезвая прозорливость истинного реализма и мудрая воздержность требований и притязаний. Наипаче же надо гнать от себя соблазны пошло-оптимистического нетерпения и не обманываться насчет истинных размеров сил зла в этом мире. Во времена безудержного разгула розово-утопического оптимизма вождельний и страстей, разумные и честные люди должны делами и словами проповедывать здоровый пессимизм самообуздания и самоограничения.

Я. А. Бромберг